

Бывают в искусстве особые, «звездные» люди, наделенные, помимо таланта, трудолюбия, обаяния и творческой силы, еще и каким-то светом, полетностью. Первые кадры нового документального фильма «Свет его звезды» (киностудия «Отечество») о Марисе Липе: он — в полете, в прыжках, долгих, словно затяжных, через все пространство сцены. Как распрямившаяся пружина. Чуть позднее мы услышим в фильме: в день спектакля, с утра, он сжимался, как пружина, и важно было это состояние не потерять, пружина срабатывала тогда, когда поднимался занавес. Картину эту о Липе снял один из тонких, чело-вечных документалистов — Вячеслав Орехов.

СВЕТ ДАЛЕКОЙ ЗВЕЗДЫ

В ней много хроники, сохранившей искусство Липы. Тринадцатилетний серьезный рижский мальчик: первое участие в конкурсе в Москве. Первое па-де-де из «Щелкунчика». Первый успех. Только с этого момента он решил, что балет — его судьба (раньше мог и удрать с класса на футбол и даже был однажды наказан за это порной). «Балет не может быть карьерой, балет может быть только судьбой».

В фильме о нем рассказывают сестра, первый педагог, сын Андрис, в ком повторились, перевоплотились дар, свет и стать отца. Звучат строки из его книги. «Успех в нашей работе исчисляется мерой одержимости...» Его педагог говорит о средних природных данных Мариса, о врожденном плоскостопии: «Он был такой маленький, щупленький». А на его могиле всего два слова: «Выдающийся танцовщик. Одержимый?»

Он был азартен, страстен в любом проявлении. Снова хроника: Липа с детьми на «чертовом колесе» — в бурном восторге, как и они, Липа сажает дерево, и тоже со страстью, с любовью. Липа бежит вприпрыжку на занятия к ученикам, легкий, неотличимый от них, юных, в толпе. И учит он тоже легко и страстно, падая на колени, закигаясь сам и хваля, хваля безудержно, потому что знает: балет — это гигантский труд. Балет — это боль (однажды, сажая маленькую дочку Илзе на шпагат, он увидел в ее глазах боль и запомнил это не только по себе).

Он прожил жизнь, как факел или звезда — вспыхнул и погас. Он не смог бы, наверное, доживать, угасать. Он умел и хотел только — жить. «Я чувствую себя как автогонщик, все лечу и лечу и не могу остановиться». «Когда я уйду из Большого — я умру». Большой был его единственным театром. Он был максималистом, романтиком. И балет был его единственной судьбой.

Фильм В. Орехова, короткий, светлый, добрый — как отраженный свет звезды Мариса Липы. Вспыхнул экран и погас, дав заряд эмоций от этого воспоминания о талантливом, звездном человеке.

Марина МУРЗИНА.

Экран и сценарий - 1992 - 11-18 июня (м 24) - с. 4